

Оболкина С.В. Онтология машины. Блеск и нищета машинизма // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 20-41. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_3_20

УДК 111:004

DOI 10.17506/26867206_2023_23_3_20

Онтология машины. Блеск и нищета машинизма

Светлана Викторовна Оболкина

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: obol2007@mail.ru

*Поступила в редакцию 26.06.2023, поступила после рецензирования 04.10.2023,
принята к публикации 06.10.2023*

Машина – это посредник между реальностью естественной и реальностью до какого-то момента невозможной. Поэтому понимание данного феномена в онтологическом измерении – необходимый элемент анализа проблем настоящего и будущего. В философии XX–XXI вв. концепт машины является одним из центральных. Вокруг него складывается машинизм как мировоззренческая установка и философское направление. Однако сама машина остается для него «понятной по умолчанию»: данный концепт выступает инструментом анализа социума, культуры или психики. Это оказывается возможным за счет игнорирования значительной части семантического спектра $\mu\eta\chi\alpha\nu\acute{\eta}$. Исключением выступает механология Ж. Лафита и Ж. Симондона, которая заинтересована в машине как конкретном изобретении. В настоящей работе методология анализа машины опирается на объектно-ориентированную онтологию И. Богоста. На основе проведенного исследования сделан ряд выводов. Во-первых, говорить о тождестве реальности и машины возможно только для базового онтологического уровня; человек создал артефакт, который является определенным онтологическим конституентом. Однако на следующем, более высоком уровне это тождество распадается: машина такова, какова она есть, потому что не совпадает с естественной реальностью, выделяясь характером своего бытования. Изобретение механизма выступает работой, онтологической по своему характеру: это создание системы взаимодействий одномерных пространств. Машинизм, рассуждая о машине, не учитывает данные концептуальные моменты, использует машину в режиме метафоры. Поэтому его концептуальные ресурсы мешают пониманию современных машин и их взаимодействия с человеком. Во-вторых, некоторые современные изобретения в области генеративного искусственного интеллекта – это машины нового типа (неклассические машины), которые включают фактор вероят-

© Оболкина С.В., 2023

ности и неоднозначности в качестве элемента механизма. Человеческое изобретение выходит на новый онтологический уровень, что требует обновленного концептуального инструментария.

Ключевые слова: машина, изобретение, машинизм, механизм, философия машины, онтология машины, неклассическая машина, искусственный интеллект, нейросеть

Machine Ontology. The Splendors and Miseries of Machinism

Svetlana V. Obolkina

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia

E-mail: obol2007@mail.ru

Received 26.06.2023, revised 04.10.2023, accepted 06.10.2023

Abstract. The machine is an intermediary between the natural reality and the impossible reality up to a point. Therefore, understanding this phenomenon in the ontological dimension is a necessary element in the analysis of the problems of both the present and the future. In the philosophy of the 20th and 21st centuries, the concept of a machine is very relevant. Machinism develops around it as a worldview and philosophical direction. However, the machine remains “understandable by default” for it: this concept acts as a tool for analyzing society, culture or the psyche. This turns out to be possible by ignoring a significant part of the semantic spectrum of μηχανή. The exception is the mechanology of Jacques Lafitte and Gilbert Simondon, which is interested in the machine as a particular invention. In this article, the methodology of machine analysis relies on the object-oriented ontology by Ian Bogost. Based on the conducted research, a number of conclusions has been made. Firstly, it is possible to talk about the identity of reality and the machine only for the basic ontological level; a person has created an artifact, which is an objectified ontological constituent. However, at the next, higher level, this identity falls apart: the machine is what it is, because it does not coincide with natural reality being distinguished by the nature of its existence. The invention of the machine is an ontological work in its nature: it is the creation of an interaction system of one-dimensional spaces. In its reasoning, machinism does not take into account these conceptual points using the machine as a metaphor. Therefore, its conceptual resources interfere with the understanding of modern machines and their interaction with humans. Secondly, some modern inventions in the field of generative artificial intelligence are new types of machines (non-classical machines) that include the factor of probability and ambiguity as an element of the mechanism. Human invention is reaching a new ontological level, which requires an updated conceptual toolkit.

Keywords: machine, invention, machinism, mechanism, philosophy of the machine, machine ontology, non-classical machine, artificial intelligence, neural network

For citation: Obolkina S.V. Machine Ontology. The Splendors and Miseries of Machinism, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 20-41. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_3_20

Машинизм

Одним из центральных философских трендов современности выступает машинизм – мировоззренческая установка и философское направление, предлагающие понимание реальности за счет семантического расширения понятия машины за границы обозначения только технического артефакта. Примером такого расширения может выступать определение Н. Винера: машина – «устройство для преобразования входных сообщений в выходные» (Винер 1966: 42), то есть *не* машиной оказывается, по сути, только черная дыра.

Одним из первых данный термин использовал в 1920-е гг. Ле Корбюзье в манифесте «Архитектура в эпоху машинизма» (Ле Корбюзье 2017). Он не был родоначальником интереса к машине – на тот момент она уже являлась важнейшим аттрактором культуры¹. Но можно выделить эту работу, поскольку в ней не только «напророчен» машинный образ искусства, но и говорится об эффектах машины, преобразующих человеческие мышление, любовь, желания. Эта интенция наполнила философию второй половины XX столетия: М. Фуко вскрывает «машинерию» социального, Ж. Бодрийяр рассуждает о машинизме массовой культуры. Ж. Лакан усиливает позиции машины, заявляя, что она «воплощает в себе символическую активность человека наиболее радикальным образом» (Лакан 2009: 109). Из рассуждений Н. Ланда о шизоанализе можно сделать вывод, что машинность – это новое имя «первосубстанции», а именно «архаического затопляющего желания» (Ланд 2020: 90). Тем самым машинизм шизоанализа неизбежно выходит в область онтологии.

Современный философ Л. Брайант настаивает на том, что «нам нужен не панпсихизм, органицизм или витализм, а, скорее, *панмеханизм*. Быть – значит быть машиной. <...> Панмеханизм – это одновременно онтология, теория взаимодействий или отношений, методология и очень конкретный эмпирический исследовательский проект»². Автор опирается на онтологические интуиции постструктурализма, реализуемые в первую очередь в шизоанализе Ж. Делёза и Ф. Гваттари. Именно расколотое сознание шизофреника, по мысли философов, улавливает истину бытия: «Больше нет ни природы, ни человека, есть лишь процесс, который производит одно в другом и состыковывает машины. Повсюду производящие и желающие машины, шизофренические машины, целая порождающая жизнь; я и не-я, внешнее и внутреннее больше ничего не значат» (Делёз, Гваттари 2007: 14).

Конечно, само по себе сближение понятий «мир» и «машина» не является чем-то принципиально новым. Активной фазой этого сближения являлся механицизм Нового времени. Однако было бы некорректно сводить

¹ Пересечения и совпадения множества плоскостей культуры в «окрестностях» машины хорошо демонстрирует в своих исследованиях В.А. Подорога (Подорога 2010).

² Bryant L. Machine-Oriented Ontology: Towards a Pan-Mechanism // Larval Subjects. 21.06.2012. URL: <https://larvalsubjects.wordpress.com/2012/06/21/machine-oriented-ontology-towards-a-pan-mechanism/> (дата обращения: 25.06.2023).

современный машинизм к механицизму XVII–XVIII вв. Во-первых, потому что сами постструктуралисты не единожды высказывались против такого отождествления. Во-вторых, для нововременного механицизма установка «мир – машина» была важна в первую очередь в качестве *методологической*, а не онтологической установки. Р. Гук – один из «отцов» механицизма – говорил о преимуществе видеть мир уподобленным машине: так формируется «эра оперативных и механических знаний». Предисловие его знаменитой «Микрографии» посвящено обоснованию пользы этой концептуальной метафоры, позволяющей «различить все тайные действия Природы» *по аналогии* «с такими произведениями искусства, которые управляются колесами, двигателями и пружинами и которые были разработаны человеческим умом» (Hooke 1665). Машинизм – это философия, которая говорит о том, что все есть машина, тогда как механицизм уподобляет мир машине, понимая под машиной именно изделие человека. Это близкие, но не тождественные нарративы: «Природа тоже машина, мир тоже есть механизм. Собственно, подобным образом философы-деисты рассуждали уже в эпоху Просвещения, сравнивая мир с часовым механизмом, а Бога – с часовщиком. Правда, тогда человек, согласно христианской концепции мироздания, выделялся из мира природы, противостоял ему. В шизоанализе Делёза и Гваттари человек и мир растворяются в потоке производства желаний, встраиваясь в него всеми конечностями, органами, выемками и выпуклостями тел» (Циплакова 2014: 153).

Специфика отношения к машине в нововременном механицизме и современном машинизме развивается в различные онтологические решения. Суть механицистической стратегии состоит в том, что мыслители предлагают выстраивать или трансформировать немашинную реальность по образцу машины. Т. Гоббс, как известно, предлагал выстроить государство подобно машине. Для этого ему понадобилось расширить понимание присущего машине характера существования: «Ибо, наблюдая, что жизнь есть лишь движение членов, начало которого находится в какой-нибудь основной внутренней части, разве не можем мы сказать, что все автоматы (механизмы, движущиеся при помощи пружин и колес, как, например, часы) имеют искусственную жизнь?» (Гоббс 1991: 6). Вторая стратегия предполагает, что машина как таковая (применяется термин «абстрактная машина») существовала до появления машины как технического устройства. Этот подход может быть проиллюстрирован рассуждениями Л. Мамфорда: «Корни того, что экономисты в недавние эпохи называли “веком машин” или “веком электричества”, относятся не к так называемой промышленной революции XVIII столетия, но к имевшей место в период возникновения цивилизации организации первичной (archetypal) машины, составленной из человеческих деталей» (Мамфорд 2001: 21).

Таким образом, можно утверждать, что перед философами, активно использующими ресурс концепта «машина», стоят различные задачи. Для Нового времени важны методологические цели новой науки, тогда как современные мыслители, помимо всего прочего, решают вопрос онтологического характера: с этим концептом оказывается тесно связана категория

всеобщего; машина как абстрактно-всеобщее проясняет сущность частного и особенного (Николин 2002). «Теперь она (машина. – С.О.) осуществляет полный мимесис Реальности, давая нам реальное в машинном образе (сегодня – в цифровом)» (Подорога 2010: 23). В данном случае говорится, что машина «подражает» реальности, но все-таки делается акцент на идеях всеобщей функциональности бытия. А это наиболее часто встречающаяся концептуальная «смычка», позволяющая мыслителям отождествить реальность и машину. Можно сказать, что машинизм делает машину новым архе. Огонь, вода, апейрон, плерома... – сегодня ряд претендентов на имя всеобщего пополнила абстрактная машина.

Важно подчеркнуть, что машинизм был бы невозможен без смыслообразующего потенциала самого слова «машина»: у него рано сформировался серьезный ресурс семантического расширения, который лишь ждал подходящих условий, чтобы развернуться.

Μηχανή

Лингвистика указывает, что семантическое расширение – обычное явление, которое позволяет «избегать количественного приращения лексических единиц за счет формирования новых значений у уже имеющихся в языке номинативных средств» (Черникова 2001: 82). Примерно таким же образом семантическое расширение концепта призвано спасти мысль от «умножения сущностей без надобности». Мы не будем обсуждать вопрос, помогло ли подобное расширение машинизму. Нашей ближайшей задачей станет анализ формирования семантического ресурса *μηχανή*.

Как отмечает В.В. Глебкин, семантика машины была серьезно распространена уже в ранние исторические периоды: «...такие метафоры, как “мир – это машина”, “социум – это машина”, “тело – это машина”, возникают в раннем Средневековье, то есть задолго до того, как машины начинают играть заметную роль в социально-экономической жизни» (Глебкин 2012: 55). Изначально *μηχανή* – это практически имя собственное для осадных машин. Однако постепенно происходит метонимический сдвиг от устройства к изобретению: этим словом начали обозначать всякое находчивое решение. Машина становится любым «хитроумным изобретением» человека. Причем «критерием осуществления *μηχανή* иногда оказывается возможность нарушить существующий порядок вещей. Так, у Григория Нисского *μηχανή* – это способ путешествия на небо, который можно было бы изложить при помощи слов» (Зарипов 2015). С этим смыслом связаны коннотации *μηχανή* как подражание природе. Поэтому вполне закономерно возникает вектор аксиологического снижения: машина – *всего лишь* подражание природе, нечто «ущербное». Эти коннотации усиливаются в Средние века, когда слово «машина» выступает в значении «козни». Текстологический анализ Я.В. Зарипова показывает: «В общей сложности дьявол, выступающий под указанными тремя именами, оказывается наделенным или замышляющим *μηχανή* 136 раз, причем в IV в. соответствующая величина составляет более, чем 10% от всех случаев употребления *μηχανή*. <...> Однозначно отрицатель-

ную семантику имеет прилагательное *λαμψήχαιος*: чаще всего оно является эпитетом дьявола. Пейоративный характер этого слова хорошо иллюстрируется тем, что Евстафий Фессалонийский обосновывает его неприменимость к Одиссею, которого правильнее называть *πολυμήχαιος* – как это и было в поэмах Гомера» (Зарипов 2015). В подобном контексте *μηχανή* уже не имеет обязательной привязки к смыслу «созданное человеком» и может обозначать некую онтологическую неподлинность, «увечность».

Таким образом, *μηχανή* обладает обширным семантико-аксиологическим спектром, сохранившимся и в современном использовании слова «машина». В центре этого спектра располагается техническое устройство, которое выполняет определенную работу (исходное «осадная машина»). По одну сторону от этого аксиологически нейтрального центра выстраивается коннотативное пространство «машины» как результата человеческой одаренности, способности добиваться целей благодаря особого рода хитрости («эффект Одиссея-*πολυμήχαιος*»). По другую оказывается смысл «машины» как чего-то ненастоящего; это «обманка», которая является тем более «дьявольской», чем эффективнее работает.

Для авангарда был характерен семантический синкретизм, когда машина одновременно выступала и конкретикой технического развития, и захватывающей дух футурологической утопией, и «демонической» сущностью. Но в современном машинизме более активно звучит именно пейоративная часть семантического спектра *μηχανή*. За анализом «машинерии» социального и психического угадывается оценка машины как чего-то такого, что связано с почти дьявольским совращением.

Индуистско-шопенгауэровские мотивы, интерпретированные в терминах машинизма, отчетливо слышны в «Анти-Эдипе»: «Производство, произведенное, тождество производства и произведенного... Именно это тождество образует третий термин в линейной серии – огромный недифференцированный объект. В какой-то момент все останавливается, все замирает (затем все запустится снова). В каком-то смысле было бы лучше, если бы ничего не работало, ничто не функционировало. Не быть рожденным, выйти из колеса рождений, без рта для сосания, без ануса для испражнения. Окажутся ли машины настолько разболтанными, а их детали настолько разъединенными, чтобы вернуть нас в ничто?» (Делёз, Гваттари 2007: 21).

Современный машинизм почти не задействует смыслы, которые связаны с «эффектом Одиссея», поэтому машина как *изобретение* оказывается на последних ролях в том секторе философии, который находится в зоне влияния постструктуралистской мысли. Примером противоположной позиции является теория технического объекта Ж. Симондона, где «непрерывность между техническим и природным» осуществляется все-таки посредством феномена изобретения, а не по умолчанию. Это особый резонанс, синтез человеческого и природного. Поясняя его, философ использует алхимическое понятие *tertium quid* – нечто третье (не совсем известное и понятное), возникающее из двух других, известных и понятных (Simondon 2005).

Следует подчеркнуть, насколько в трактовке машины важно внимание к машине как изобретению, техническому объекту. Даже если

мы согласимся с тем, что машина – это объективно-всеобщее, мы все равно обязаны допустить, что, «копируя» устройство реальности в виде технического устройства, человек создал (осознанно или неосознанно) особую форму реальности. Игнорируя «эффект Одиссея», мы получаем лишь «машинизированный» вариант старых онтологических решений – своего рода «апгрейд» натурфилософии или шопенгауэровского волюнтаризма, то есть сворачиваем на круг. Возникает парадоксальная ситуация: в машинизме актуальны аллюзии и очарование машинности, но машина в качестве конкретного изобретения человеческого гения игнорируется. Концепт «машина» интересен машинизму лишь в качестве инструмента³, причем крайне широкого спектра. Его прегнантность⁴ слишком высока. Это инструмент универсального охвата, но бесполезный для тонких операций. Уже нельзя игнорировать, что «понятность по умолчанию» в отношении машины как таковой оказывается концептуальным бессилием в отношении новых умных машин.

Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз, Ф. Гваттари и многие другие исследователи говорили о компьютере как о машине, которая, увлекая за собой человека, делает его мышление машинным. Но сегодня мы все чаще сталкиваемся с идеями о том, что понимание (или, скорее, непонимание) компьютера в качестве «обычной машины» неудовлетворительно.

Так, Ш. Тёркл приходит к выводу, что «компьютер – наверное, главное техническое устройство современности – являет собой развитие “машины”, но не “машинного” образа мысли⁵. Тёркл – психолог-экспериментатор, в ходе полевых исследований конкретного взаимодействия человека и компьютера она увидела в новой машине немашинного агента «мутации мысли» в пользу нелинейности и холистичности.

В.Н. Железняк, предлагающий концепцию феноменологии технических устройств (ТУ), высказывает сомнение по поводу деградации человеческого сознания до уровня машины в ходе взаимодействия с современными сложными машинами: «Во-первых, не все сознание задействовано в смычке с ТУ; во-вторых, большая часть современной техники предполагает выход в Сеть, а это существенно меняет дело; в-третьих, нелинейно мыслящее, в значительной степени интерсубъективное сознание (“дух”, *der Geist*) обретает новое физическое “шасси”; в-четвертых, такое расширение сознания знает свою медитативную отстраненность и свой “катарсис»» (Железняк 2020: 71).

Сделаем промежуточный вывод: следует отказаться от понимания машины в духе машинизма, не отказываясь при этом от сформированного им

³ Это довольно иронично, если учесть, насколько часто повторяется, что машина – не инструмент, а нечто большее.

⁴ Прегнантность (от лат. *praegnans* – «содержательный», «богатый») означает в гештальтпсихологии перцептивный или интеллектуальный образ, который характеризуется содержательностью и завершенностью.

⁵ Turkle S. Who Am We? // *Wired*. 01.01.1996. URL: <https://www.wired.com/1996/01/turkle-2/> (дата обращения: 25.06.2023).

онтологического ракурса. Речь идет об отказе не от философии машинизма (у нее свои задачи), а от использования ее устаревшего инструментария. Ближайшей задачей выступает поиск методологических и концептуальных позиций, которые позволят вывести феномен машины из режима «понятна по умолчанию».

Бытование машины

Сразу подчеркнем, что мы имеем в виду именно машину, а не технику как таковую. Несомненно, машина – это элемент технической среды. Но само слово «техника» отсылает в первую очередь к мастерству, искусству, а философское исследование природы техники – это, прежде всего, вопрос о характере деятельности и специфике мироотношения. Поэтому для философии понятие «техника» в меньшей степени означает сосредоточенность на устройстве и в большей – на исследовании технического региона бытия в контексте человеческого существования, культуры и цивилизации. Неслучайно Ж. Симондон, осмысливая эволюцию конкретных машин, вынужден уточнить, что его предметом выступает не техника, а именно технический объект (Simondon 1958; Симондон 2012). Более того, для обозначения контекста своих исследований он предпочитает использовать не устоявшуюся категорию «философия техники», а неологизм Ж. Лафита «механология». Наше исследование также имеет своим предметом именно машину как таковую, поэтому, если необходимы какие-то дисциплинарные дистинкции, то оно ближе к механологии, нежели к философии техники. И главным выступает онтологический аспект, за актуализацию которого следует благодарить философию машинизма.

Казалось бы, именно категория всеобщего позволяет анализировать машину в онтологическом аспекте. Но, во-первых, к такому когнитивному инструментарии всегда будут выдвигаться претензии, высказанные в свое время Дж. Локком: «...общее и всеобщее не относится к действительному существованию вещей, а изобретены и созданы разумом для его собственного употребления и касаются только знаков – слов или идей» (Локк 1985: 471). Эту критику важно учесть и в отношении познавательного потенциала абстрактной машины в противовес конкретной, то есть вещи со своим генезисом и эволюцией. В поиске подхода к самой машине стоит обратиться к философским решениям, которые ставят вопросы о собственном бытии вещей вне корреляции с задачами исследования культуры, социума или психики.

Объектно-ориентированная онтология И. Богоста по-новому актуализует старый спор в отношении познавательного потенциала категории всеобщего и одновременно оспаривает методологическую валидность постмодернизма. Исследователь говорит об «онтографии», которая реализуется в качестве списков существующего; это «стаккато реальности», выступающее противоядием от «одержимости делёзовским становлением, континуальностью и плавностью, которые замещают прерывистость и разбиение на сегменты» (Богост 2019: 54). «Стаккато» означает принципиальную от-

дельность и актуальность собственного бытия предметов. «Плоскостность» такой онтологии, с одной стороны, не позволяет нам постулировать некую абстрактную машину в качестве всеобщего, с другой – настаивает, что «все вещи существуют одинаковым образом, хотя их существование не одинаково». Именно поэтому предлагается говорить не о «бытии», но о «бытовании» (Богост 2019: 22); бытие всеобщее, бытование специфично-конкретно.

Американский ученый сосредоточен на феноменологическом измерении бытования вещей – как они воспринимают реальность (концепция панэкспериенциализма). Мы же в русле этого подхода зададим вопрос о том, чего «хочет» машина? В чем заключается задача и специфика ее собственного бытования?

Внимание человека к вещи в различных ситуациях фиксирует несводимые и даже чуждые друг другу семантические измерения; это всегда неполное отражение ее собственного бытования. Поэтому единственный способ продвигаться к пониманию машины – удерживать в поле зрения *весь* ее семантический спектр.

Важный оттенок смысла μηχανή – подражание природе. Какой природе подражает бытование машины? Ответ очевиден: изобретателя интересует бытие живого. Еще Т. Гоббс говорил, что «машинность» любой системы заключается в том, что нечто совершает действия, не будучи по своей природе ни живым, ни мертвым. Поэтому мы спрашиваем в первую очередь о «желании» машины-автомата⁶. Чего «хочет» машина, предоставленная самой себе? Допустим, она создана, включена и забыта. Можно сказать, что машина реализует «желание» собственной активности: «...машину не интересует ничего помимо того, что она производит сама. А производит она реальность собственного становления» (Чубаров 2015: 126-127). Но такой ее создал человек, именно он встроил в нее это «желание» («эффект Одиссея»). История машин показывает, что очень часто механиков в первую очередь интересовала задача создания чего-то такого, что имеет существование, похожее на существование живого; изначально это чаще всего игрушки. Героновский золипил, японские каракури, европейские автоматы или вычислительные машины 1950–1960-х гг., играющие в шашки, предшествовали машинам-инструментам. И машины Архимеда в первую очередь являлись практическим доказательством математически выраженных онтологических положений и только затем полезными устройствами. Таким образом, изобретение машины как таковой можно понимать как своего

⁶ Есть позиция, разделяющая понятия «машина» и «автомат»; предлагается такая эволюционная картина генезиса техники: орудие, машина, автомат, робот, киборг. С исторической точки зрения развитие техники происходит от машин, требующих участия человека в каждый момент своего бытования, к машинам с высокой степенью самостоятельности. Но с логической точки зрения эта эволюционная картина уязвима. «Орудие» есть «устройство для производства», поэтому понятие «машина» может рассматриваться как частный случай «орудия». В свою очередь «автомат» является частным случаем «машины». «Робот» включает в себя и «машину», и «автомат», и «орудие». Мы учитываем исторический аспект развития техники, но в данном случае нас в большей степени будет интересовать понятийный аспект.

рода *практическую онтологию*, которая развивается параллельно с онтологией теоретической.

Оригинальность и ценность открытия Парменида заключается в возможности выделить факт бытийствования; бытие, концептуально отделенное от существования. Философия бытия Фомы Аквинского развивает это положение в теологическом ключе: все сущее как высшую ценность хранит полученный от Создателя дар – *быть*, остальные смыслы образуются вокруг этого фактора, конституирующего экзистенцию. Именно на этом онтологическом уровне анализа машина действительно тождественна всему. Не потому что бытие машиноподобно (как считает машинизм), а потому что человек хитроумно выстроил такой артефакт, который является определенным *онтологическим конституентом*: создатель машины-автомата в первую очередь реализует базовую асимметрию, согласно которой «быть» в приоритете перед «не быть».

Поэтому акцентированная постмодернистами связь машины и желания важна. «Желание» машины = ее активность = быть, чтобы быть. На это «желание» человек нанизывает слои функциональности. Но машинизм идет дальше и утверждает, что машина тождественна всей реальности, поскольку вся действительность исчерпывающе описывается в категориях «потоков и срезов». Л. Брайант вслед за Ж. Делёзом и Ф. Гваттари пишет: «Теория и эмпиризм потоков, таким образом, является важнейшим элементом панмеханизма. Потоки управляют локальными проявлениями машин или качествами, которые они производят в любой момент времени»⁷. Вся реальность есть система потоков и срезов, а значит, вся реальность – это машина. Однако именно в этом концептуальном моменте нас подводит невнимание к собственному бытованию машины.

Да, машина – это потоки; реальность – это потоки. Но все потоки, составляющие реальность, смешиваются, разъединяются и перепутываются; они подвержены небольшим отклонениям, которые в итоге оказываются непредсказуемыми смещениями. Человек называет это случаем, фортуной или нелинейностью и никогда не знает точно, какой из потоков или срезов будет решающим в определенной ситуации. А если у него такое знание есть, это означает, что он имеет дело с машиной. Машина – это локус реальности, в котором человек «навел порядок». Машина такова, какова она есть, потому что она как раз *не совпадает* с естественной реальностью, выделена из нее характером своего бытования. Именно поэтому нельзя сбрасывать со счетов смысл *μηχανή* как хитрой уловки человека.

Функция – другое наименование контроля и алгоритма. Функциональность связана с требованием дискретности и строгой линейной детерминированности процессов. Поэтому совершенно недостаточно идентифицировать машину как потоки и срезы. Требуется добавить, что она представляет собой систему *контролируемых* потоков и срезов. Или это

⁷ Bryant L. Machine-Oriented Ontology: Towards a Pan-Mechanism // Larval Subjects. 21.06.2012. URL: <https://larvalsubjects.wordpress.com/2012/06/21/machine-oriented-ontology-towards-a-pan-mechanism/> (дата обращения: 25.06.2023).

не машина. *Машина – устройство, в котором осуществляются предусмотренные проектом детерминированные дискретные и конечные процессы, их целью являются predetermined действия для решения поставленных задач.*

Машина конгруэнтна реальности только на базовом онтологическом уровне: там, где работает асимметрия «быть или не быть». Но, приближаясь к характеру, специфике бытования машины, мы должны констатировать: человек, создав машину, создал *другую реальность*. Ее суть не столько в искусственности процессов, сколько в их контролируемости и предсказуемости. Как уже отмечалось, машины – это своего рода практическая онтология, задача которой не описывать, а создавать. Именно поэтому они выступают центром, организующим вокруг себя естественную реальность по образу и подобию машины (о чем часто говорит философия машинизма). Человек выстраивает машины, а машины «машинизируют» свои «окрестности». Но не потому что «машинность» онтологически первична, а как раз по причине ее вторичности. В силу того что творец несет бремя поддержания бытия сотворенного. Машина негерметична, рано или поздно она впускает в себя «дикую» реальность, когда неконтролируемые потоки энергии прорастают в локус контроля и растворяют искусственный «островок турбулентности» в «ламинарном потоке» реальности. Поэтому машина требует устранения помех, координации и логистики.

Но что конкретно контролирует человек, создающий или обслуживающий машину? Мало сказать, что он контролирует работу машины или потоки и срезы. Общая теория машин и механизмов (ТММ) – фундаментальный уровень инженерного знания. И любая ТММ утверждает, что машина – это система механизмов: «Механизмом называется система материальных тел, предназначенных для преобразования движения одного или нескольких тел в требуемые движения остальных» (Недоводеев 2012). Механизм – это *попарные сцепления элементов, ограничивающих движение друг друга. Взаимное сопротивление призвано ограничивать количество степеней свободы элементов*. Это очень важная специфика машины не только как базовое знание в рамках ТММ, но и в качестве вопроса о бытовании машины. В онтологическом ракурсе первую задачу инженера можно рассматривать как создание *особых характеристик* реальности.

Вспомним мир знаменитой Флатландии⁸: объектам гораздо труднее уклониться от контакта в плоском мире, чем в мире, наделенном третьим измерением (глубины или высоты). Чтобы сделать контакт каких-то объектов неизбежным в условиях движения, следует убрать и второе измерение, то есть выстроить такой мир, где движение объектов возможно лишь вперед и назад. Только в таком одномерном мире образуются пары самостоятельно движущихся элементов, которые строго ограничивают степени свободы друг друга.

⁸ Фантастический мир, обладающий только двумя измерениями. Описан в романе британского писателя Э.Э. Эбботта. См.: Abbott E.A. 1884. Flatland: A Romance of Many Dimensions. London : Seeley & Co. 96 p.

Машинный механизм, к примеру, зубчатая передача, – простой пример одномерно устроенного мира. Сколько бы ни включала в себя машина сцепляющихся колес, как бы сложно они ни располагались в нашем трехмерном пространстве, каждое сцепление может быть понято как одномерная вселенная, то есть такой мир, где движение колес вне заданной плоскости *невозможно*. Усилиями инженера «отменяется» многомерность реальности и, соответственно, способность потоков уходить за пределы конкретного «локуса контроля» (механизма) или неконтролируемо вторгаться в него. Творец создает реальность, размерность которой меньше его собственной; возможно, это необходимое условие принципиально нефантазийного творчества.

Очень часто, когда немашинные области действительности определяются как машины, речь идет лишь о похожести. Периодичность процессов, замкнутые циклические паттерны делают что угодно похожим на машину. Но машинность феномена (если мы хотим, чтобы машина работала) связана с наличием элементов, в своей активности ограничивающих степень свободы друг друга, причем речь идет о таком ограничении, которое стремится к строгой и неизменной воспроизводимости. Последнее обстоятельство важно, когда мы имеем дело с концептуальными попытками уподобить немашинные сущности машине.

Действительность богата примерами союзов, где элементы взаимно ограничивают степени свободы друг друга. Манипуляции в личных отношениях можно рассматривать как попытку реализации функции, в которой манипулятору подвластны «независимые переменные»; фордизм – пример «машинизации» социально-экономического характера; политическая жизнь государства предполагает множество «зубчатых передач» взаимного ограничения степеней свободы власти и народа и т.д. Казалось бы, многочисленные примеры подобного рода лишь подтверждают доводы, что социальность – это тоже машина. Но все же эти описания социальных явлений и процессов в категориях машинизма – либо утопии, либо ситуация, когда метафора подменяет собой концепт⁹.

Хаос бурлит под тонким слоем человеческих институтов, и их функционал заключается в выстраивании контролируемых взаимодействий. Но насколько это получается – другой вопрос. Действительная (а не метафорическая) машинность означала бы создание системы взаимодействий, развивающихся в одномерном пространстве: когда шаг влево или вправо невозможен в принципе. Вряд ли мы можем даже вообразить себе столь высокую степень легитимного насилия. А отношения, в которых зависимость действий одного человека от действий другого была бы реализована с математически однозначной точностью, мы в первую очередь анализировали бы в контексте

⁹ Конечно, трудно однозначно разделить в пространстве смыслов области действия концептуальной метафоры и философского концепта. Но этот момент не следует и полностью игнорировать. В данном случае можно лишь подчеркнуть, что метафора, скорее, размывает жесткие границы смыслообразования, тогда как концепт стремится их стабилизировать.

уголовной ответственности. Инженерия социальных взаимодействий может рассчитывать только на *принципиально частичный* контроль потоков и срезов. Машина же возможна лишь тогда, когда алгоритм остается строгим предписанием, не оставляющим место произволу. Действия подвластных социальной инженерии людей могут быть лишь машиноподобными, тогда как их бытование остается прежним. Возможно, именно поэтому инженерам всех времен не дает покоя идея создания «искусственного человека» – машины, которая была бы «совершенно как человек».

Искусственный интеллект как классическая и неклассическая машина

Далее речь пойдет о генеративном искусственном интеллекте (ИИ) как о машине. Все вышесказанное в отношении инженерии машины применимо и к цифровой инженерии. Вместо зубчатой передачи строчки кода, то есть языковое сообщение в рамках особого класса формализованных языков. Цель этих языков – реализация машиной (хардом) вычислительных процессов на основе данных. Происходит перевод на машинный язык, созданный на основе двоичной системы счисления. На аппаратном уровне этот язык инициирует переключение транзисторов.

Естественный язык отличается от языка программирования принципиальной некомпозиционностью и неоднозначностью; смысл зависит от контекста (прагматического аспекта) гораздо больше, чем от синтаксической и семантической характеристик языковых единиц. Естественный язык является своего рода многомерным пространством, аналогом естественной реальности. Разработчик программного обеспечения имеет дело с «материей» естественного языка и так же, как создатель механической машины, изменяет условия бытования этой «материи»: создает *семантически одномерную реальность*, в которой важна *невозможность* истолкования более чем одним вариантом. Благодаря логике и математике появился обширный арсенал инструментов превращения «хаоса» естественного языка в язык, понятный машине. Так создается машина (компьютерная программа) из «материи» естественного языка.

ИИ похож на автоматон (например, известные куклы Жака де Вокансона): и в том и в другом случае мы склонны забывать об их машинном «нутре» из-за впечатления по поводу их «разумности». Но колеса в механизме автоматона двигаются строго по заданной траектории; если появится какая-то непредусмотренная степень свободы хотя бы у одного колесика (например, он расшатается), это приведет к поломке машины. Алгоритмы программного обеспечения и работы Интернета созданы таким образом, чтобы исключить двусмысленность в передаче данных. Если она все же появляется из-за ошибки разработчиков или испорченных вспышками на солнце битов, мы имеем дело с глитчами или куда более серьезными сбоями в работе этой огромной, распределенной по всему миру, машины. Поэтому в эти цифровые механизмы встраиваются системы защиты от хаоса, от неискусственной реальности.

Конечно, ИИ – очень сложная машина, к тому же не ограниченная корпусом конкретного устройства. Это система многоуровневой архитектуры¹⁰. Нижний уровень – передача битов по каким-то физическим каналам (кабелям, радиоволнам) изменением уровня электрического сигнала. На высшем уровне информация уже представлена в привычном формате (видео, фото, текст). Сеть Интернет может быть понята как «русла» для потоков информации; система *World Wide Web* (WWW) – это наполнение «русел», то есть объединенные страницы на пользовательских устройствах. Но вся эта сложная система алгоритмов – та же самая классическая машина, которая выстроена так, чтобы «не впускать» в себя хаос. Поэтому на вопрос, является ли ИИ машиной, мы ответим положительно. Сам ИИ тоже ответил на него положительно¹¹. Вот часть нашего диалога с нейросетью *ChatGPT*¹²:

– Является ли искусственный интеллект машиной?

– Да, искусственный интеллект также является машиной. Искусственный интеллект – это компьютерная технология, которая имитирует некоторые функции человеческого интеллекта, такие как распознавание речи, обработка языка, обучение, принятие решений и многое другое. Он работает на основе алгоритмов, которые обрабатывают большие объемы данных, чтобы находить шаблоны и закономерности, и использует эти знания для принятия решений и решения задач. Как и другие машины, искусственный интеллект не обладает сознанием и эмоциями, как у людей.

– Но что такое машина?

– Машина – это устройство, способное выполнять механическую или электронную работу. Она может быть механической, электрической, электронной или комбинированной. Машины используются для выполнения различных задач, например, для перемещения грузов, генерации энергии, обработки материалов, выполнения вычислительных операций и т.д.

Тот факт, что нейросеть дала тривиальный ответ на вопрос о машине, не должен удивлять или разочаровывать. Она оценивает массив данных как область вероятности, ограниченную запросом. Поиск выдает сочетания слов, которые имеют в этой области наиболее значимые веса¹³ – максимально вероятные данные. В итоге мы получаем ответ, являющийся наиболее предсказуемым с точки зрения данных, представленных в Интернете, и в зависимости от тех примеров, на которых обучалась нейросеть (весь

¹⁰ Многоуровневая архитектура – набор правил, который описывает процесс взаимодействия устройств в Сети. *Open Systems Interconnection model* (OSI model) выступает первой стандартной моделью в области сетевых коммуникаций.

¹¹ Это «признание», разумеется, не позиционируется нами в качестве какого-либо доказательства (тем более философского) «машинности» ИИ. Интересен лишь характер аргументации данного тезиса от самого чат-бота.

¹² Сервис, созданный на основе *Large Language Model* (LLM) – больших языковых моделей.

¹³ Речь идет о технической характеристике: используются методы стохастической аппроксимации посредством учета фактора правдоподобия. Машина получает приемлемые результаты оценки истинных апостериорных вероятностей на основе цепей Маркова, метода Монте-Карло, байесовских сетей и т.д.

контент, который она генерирует, можно найти и с помощью поисковиков). Разумеется, это упрощенная картина, но ее не стоит и переусложнять. Какими бы сложными ни были нейросети сегодня, их работа не отличается кардинально от работы низкоуровневого¹⁴ генеративного ИИ, например, такого, который отвечает за автозаполнение в смартфоне. Такие системы, как *ChatGPT*, стали возможны, когда появились алгоритмы, учитывающие больший спектр вероятности для слов в предложении, предложений в фразе и т.д. В любом случае «слепым пятном» для ИИ являются статистически маловероятные результаты объема данных. Это не стоит воспринимать как нечто присущее ИИ по определению; можно лишь утверждать, что на сегодняшний день это магистральная линия инженерных решений в данной области.

Вполне ожидаемым был и ответ чат-бота на вопрос о самой нейросети:

– *Являешься ли ты машиной?*

– *Да, являюсь. Я – это компьютерная программа, работающая на серверах и использующая алгоритмы и модели, разработанные для выполнения различных задач. Хотя я не имею физического тела, я могу обрабатывать большое количество информации, работать без перерыва и выполнять задачи с высокой точностью и скоростью. Однако я не обладаю самосознанием и эмоциональным интеллектом, как люди, и моя работа полностью зависит от того, как программисты написали мои алгоритмы и как я был обучен.*

Как видим, нейросеть отвечает на вопрос, который не был задан: «Являешься ли ты человеком/сознанием/личностью?» Что показывает: в Интернете это самый распространенный контекст вопроса. Это неудивительно, человек беспокоится о самом себе. Но если быть внимательными к машине и именно к машине, то в отношении *LLM* стоит говорить о произошедшей революции: *появился принципиально новый вид машин*. «Водораздел» прошел не по линии механического и цифрового. И не по линии различия машин, прошедших и не прошедших тест Тьюринга. Есть ИИ как классическая машина и есть ИИ как машина, которую мы условно назовем неклассической.

Классический ИИ получил ироничное название «Старый добрый искусственный интеллект» (*Good old fashioned artificial intelligence, GOF AI*). Термин появился еще в 1980-е гг. в работе Дж. Хогеланда (*Haugeland 1985*) и означает разработки на основе математической логики, призванные копировать работу человеческого интеллекта посредством создания строгих формализмов. Но довольно быстро стали видны принципиальные ограничения этого подхода: чтобы ИИ был в достаточной степени «гибким», требовались постоянные усложнения данного формализма. В какой-то момент стало очевидно, что это приводит к экспоненциальному росту непредусмотренных эффектов. Поэтому началась работа с вероятностными алгоритмами и статистическими моделями, то есть это разработки ИИ, к которому не относится определение *GOF AI*.

¹⁴ В данном случае «низкоуровневый» – это не оценочная, а вновь сугубо техническая характеристика; с точки зрения цифровой инженерии это весьма сложная машина.

В чем причина исключения нового ИИ из категории «старого и доброго»? Другими словами, в чем суть произошедшей в мире машин революции?

Мы рассмотрим этот новый вид машин в категориях онтологического подхода.

Во-первых, для нейросети этого поколения, как и для всякой машины, характерно желание «быть, чтобы быть» – базовый онтологический конституент, реализованный человеком в изобретательской деятельности. Во-вторых, нейросеть – по-прежнему система взаимодействующих элементов, ограничивающих степени свободы друг друга (механизм). До этого момента нейросеть – классическая машина. Но при более внимательном рассмотрении становится заметна принципиальная новизна: в нее «встроен» хаос, причем в качестве элемента механизма. Поэтому можно говорить, что человек вышел на *новый уровень онтологического праксиса*.

Нейросеть обучается на большом объеме данных, которыми создается WWW. Это уже не специально подобранные агенты (люди или тексты) для обучения машины, как это происходило в начальную эпоху развития ИИ. Это весь контент Интернета, то есть то, что можно назвать «диким множеством».

Может показаться, что эти данные – просто «сырье» для нейросети подобно тому, как зерно является сырьем для мельницы. В чем же тогда различие между этими машинами? Дело в том, что данные в виде «дикого множества» являются, по сути, элементом механизма новой машины.

«Классический» характер работы с данными (подобно зерну для мельницы) характерен для разработок в русле *GOFAI*, когда машинные «мозги» (то есть алгоритмы) обрабатывали запросы и данные, поставляемые создателем ИИ (инженером по знанию). Но в нейросетях, с которыми мы имеем дело сегодня, все происходит так, как если бы зерно являлось неотъемлемой частью механизма мельницы.

Фундаментальный труд «Искусственный интеллект: современный подход» (Рассел, Норвиг 2006) повествует о его создании как о создании интеллектуальных (или рациональных) агентов; грань между людьми и алгоритмами принципиально не проводится. «Рациональным агентом называется агент, который действует таким образом, чтобы можно было достичь наилучшего результата или, в условиях неопределенности, наилучшего ожидаемого результата» (Рассел, Норвиг 2006: 39), – пишут авторы и подчеркивают, что машину можно «внедрить» в само человеческое мышление. Не «превратить» человека в машину, а создать в среде мышления локус контроля с помощью, к примеру, осознанного применения байесовских методов, которые лежат в основе и многих алгоритмов ИИ. Но авторы на протяжении более чем тысячи страниц своего крайне внимательного к деталям исследования не говорят о том, что контакт интеллектуальных агентов в виде машины и человека может формировать не только «машинизацию» когниториума¹⁵ человека, но и «хаотизацию» когниториума машины.

¹⁵ В данном случае это метафора «места обучения».

Нейросеть – это, с одной стороны, машинные алгоритмы, с другой – человеческий контент. Она управляется не языком программирования, а естественным языком (запрос в диалоговом окне). Машина и человек ограничивают степени свободы друг друга, так возникает работающий механизм нейросети. Вероятностные алгоритмы ИИ отсекают наиболее маловероятное в контенте Интернета, ставя тем самым какие-то смыслы, образы или решения вне пространства интереса машины и, в перспективе, в «слепом пятне» и для человека (который пользуется нейросетью). Но человеческий контент, будучи, по сути, хаосом, упрямо расшатывает однозначность машинного выбора, заставляя нейросеть бесконечно обучаться, выдавать ошибки и даже врать, корректировать алгоритмы глубоких слоев. Строго заданные алгоритмы (машинный элемент) и принципиально хаотизированный контент (немашинный элемент) соединяются, чтобы появился новый вид машин.

Инженеры понимают, что различие в среде ИИ появилось, но круг дискуссий ограничен вопросами о технологиях. Наиболее показательным примером выступает полемика между одним из «отцов» машинного интеллекта Н. Хомским и П. Норвигом, соавтором указанного выше исследования об ИИ, ныне директором по исследованиям в корпорации *Google*. Спор начался на одном из симпозиумов по ИИ и получил развитие в блоге Норвига. Хомский высказал недовольство тем, что разработчики ИИ согласились с принципом «черного ящика», когда создатель нейронной сети, по сути, не понимает, как происходит ее обучение, то есть как реализуется контакт машины с «диким множеством». Хомский предпочел бы, чтобы наука получила строгое знание о глубинных структурах языка и мышления человека, а инженеры выстроили бы машину, воспроизводящую эти процессы (то есть машина ИИ оставалась бы классической). Но инженеры пошли по другому пути, и за эту сферу разработок вступился Норvig. Он не видит проблемы в том, что инженеры уже не пытаются познать глубинные структуры мышления (и языка), что машина, по сути, «подбирает» ответ из тех вариантов, что предлагает Интернет (это, разумеется, упрощенное пояснение, но суть спора оно отражает). «Я согласен, что инженерный успех не является целью или мерилем науки. Но я наблюдаю, что наука и инженерное дело развиваются вместе, и что инженерный успех показывает, что что-то работает правильно, и поэтому является свидетельством (но не доказательством) научно успешной модели»¹⁶.

За рамками спора остается суть машины, с которой имеют дело оба исследователя, что крайне интересно для философии машины. Речь идет о появлении машины, *которая не просто «разомкнута в хаотическую реальность», но для которой хаос (хаотизированные данные) является частью механизма*. Эта машина уже принципиально не может быть «островком» линейности и контроля, но (что удивительно) остается машиной.

¹⁶ Norvig P. On Chomsky and the Two Cultures of Statistical Learning // Peter@Norvig.com. URL: <http://norvig.com/chomsky.html#:~:text=But%20I%20observe%20that%20science,can%20progress%20on%20its%20own> (дата обращения: 25.06.2023).

Человек сделал хаос элементом механизма машины уже тогда, когда впустил в нее «приблизительность», «правдоподобность», то есть вероятность, благо существует огромный массив математических разработок в этой области. Норвиг говорит о том, что среда классического планирования полностью наблюдаемая, детерминированная, конечная, статическая и дискретная (собственно то, что мы назвали машиной как таковой). Но планирование в реальном мире предполагает иной функционал: потребовалось добавить случайные переменные в алгоритмы, чтобы сделать их рабочими в области хаотизированных данных (то есть реальности). Было принято инженерное решение: не минимизировать нелинейность, а в определенном смысле сделать на нее ставку (Рассел, Норвиг 2006: 564-612). И такая машина как нейросеть «живет» за счет не только вероятностных алгоритмов, но и контента Интернета, который по определению связан с нелинейностью. WWW – это не просто набор текстов (визуальных, символьных, аудиальных и т.д.), но система *гипертекстов*. Гипертекст характеризуется интерактивностью, сложностью и нелинейностью. В одно место можно прийти миллионами путей-вариантов. Какая-то линейность в нем если и возможна, то лишь в качестве персонального (выделенного) «маршрута» движения по гиперссылкам.

Нейросеть устроена таким образом, что за ее внутренней работой уже нет «присмотра». Многие считают, что он возможен технически; что инженеры, в принципе, могут проследить за каждым действием обучающейся нейросети. Другое дело, что на практическом уровне это нецелесообразно. Более того, машина остается именно машиной, то есть ее существование обеспечивает человек, поскольку хаос шумов и помех по-прежнему необходимо перманентно минимизировать. Но нельзя не обратить внимания на то, что в качестве человеческой «уловки» нейросеть представляет собой «хитрость» более высокого порядка: *человек создал машину, которая сама осуществляет и контролирует собственное бытование.*

Однако, как выясняется на практике, сделать «дикое множество» элементом машины крайне трудно не с точки зрения инженерии, а готовности человечества принять результат ее работы. Мы не будем повторять все нарративы страха перед ИИ, но уделим внимание опасностям, которые вытекают из нашего анализа машины.

Во-первых, опасность связана именно с осуществлением неклассической машиной собственного бытования. Машина может навредить человеку не из-за того, что она чего-то захочет, а в силу того, что она сама выстраивает одномерность пространства для многих своих механизмов, то есть трудно предугадать, что конкретно алгоритмы сочтут (не обдумают, а буквально вычислят) необходимым сократить по соображениям оптимизации.

Еще одна опасность «нестарого» и, видимо, «недоброго» ИИ связана со стремлением человека превратить эту неклассическую машину в классическую. Когда в 2016 г. появился один из первых чат-ботов *Tau*, созданный *Microsoft*, на выходе создатели получили расистский и/или крайне неприличный контент. Поэтому они были вынуждены отозвать чат-бот,

чтобы встроить в систему (в ряд спорных дискуссий) фильтры. Все версии *ChatGPT* – это уже «отфильтрованная» неклассическая машина.

Неклассическая машина оказывается классической по способу применения, то есть реализуется как пространство контроля. Но кто контролирует (встраивает фильтры) в случае с нейросетью? Конечно, манипуляция информацией – технология, которая всегда сопутствует развитию человеческого общества. Но в случае с ИИ эта технология становится ювелирно прицельной благодаря когнитивному эффекту предвзятости подтверждения (*confirmation bias*): человек склонен искать только ту информацию (или музыку, образы и т.п.), которая заведомо принимается им. Благодаря огромной базе данных и скорости ее обработки машина отбирает контент намного успешнее самого человека. Пока это делает неклассическая машина, человек рискует лишь тем, что рано или поздно попадет в «кокон комфорта». Это сама по себе не самая благотворная для сознания ситуация, но она становится крайне опасной, если неклассическую машину превращают в классическую. Встроенные (кем-то, по заказу кого-то и т.д.) в машину фильтры угрожают тем, что «кокон» может оказаться смоделированной кем-то картиной реальности.

Опасности, связанные со спецификой механизма новой машины, не стоит преуменьшать. Но, возможно, их не стоит и преувеличивать – хаос необорим. Для нашей темы важно подчеркнуть, что новый вид машин (как и их создателей) не следует демонизировать. С ними стоит заинтересованно знакомиться и уже сейчас концептуально структурировать их пространство. Мы постарались показать, что есть ИИ как вполне функциональные машины с точки зрения контроля и попечения, то есть вполне классические машины (без выхода на «дикое множество»), и есть машины для «жизни с неопределенностью», которые, возможно, в целях безопасности в долгосрочной перспективе стоит попытаться принять вне парадигмы контроля и попечения. В конце концов, если нейросеть и дает нам знание, то наиболее ценным будет вовсе не то, что она продублирует из онлайн-энциклопедий. Гораздо ценнее то, что человечество узнает о самом себе как о пространстве распределения вероятностей мнений и решений.

Это лишь некоторые моменты рефлексии, вооруженной знанием о специфике машины, по поводу умных машин. Они важны в качестве демонстрации того, что культура нуждается в действительно актуальном понимании машины. В настоящей статье предлагается дистинкция между классической и неклассической машиной, но могут быть и другие. Выражаем надежду, что наше исследование показало как минимум то, что пока человек по большей части не понимает машину (впрочем, об этом говорил еще Ж. Симондон). А знание о своем незнании, как известно, выступает стимулом для развития философии, в данном случае философии машины.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Богост И. 2019. Чужая феноменология, или Каково быть вещью? Пермь : HylePress. 200 с.
- Винер Н. 1966. Творец и робот. Обсуждение некоторых проблем, в которых кибернетика сталкивается с религией. Москва : Прогресс. 104 с.
- Глебкин В.В. 2012. Метафора механизма и теория концептуальной метафоры Лакоффа-Джонсона // Вопросы языкознания. № 3. С. 51-68.
- Гоббс Т. 1991. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. Т. 2. Москва : Мысль. С. 3-545.
- Делёз, Ж., Гваттари Ф. 2007. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория. 672 с.
- Железняк В.Н. 2020. Феноменология технических устройств // Технологос. № 4. С. 64-74. DOI 10.15593/perm.kipf/2020.4.06
- Зарипов Я.В. 2015. Μηχανή: анализ семантики в диахронической перспективе // Материалы Всероссийской школы молодых византистов NEANIA. URL: <https://www.hse.ru/data/2015/10/03/1077230538/Зарипов%20Я.В.pdf> (дата обращения: 25.06.2023).
- Лакан Ж. 2009. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. Москва : Гнозис : Логос. 520 с.
- Ланд Н. 2020. Искусство как мятеж: вопрос эстетики у Канта, Шопенгауэра и Ницше // Ланд Н. Сочинения : в 6 т. Т. 1. Пермь : HylePress. С. 79-106.
- Ле Корбюзье. 2017. Новый дух в архитектуре. Москва : Strelka Press. 113 с.
- Локк Дж. 1985. Опыт о человеческом разумении (кн. 1-3) // Локк Дж. Сочинения : в 3 т. Т. 1. Москва : Мысль. С. 78-582.
- Мамфорд Л. 2001. Миф машины. Техника и развитие человечества. Москва : Логос. 408 с.
- Недоводеев В.Я. 2012. Курс лекций по теории механизмов и машин для машиностроительных специальностей. Ульяновск : УлГТУ. 83 с.
- Николин В.В. 2002. Машинность как всеобщий принцип воспроизводства: Онтологический аспект экспансии машины в немашинные сферы бытия : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Омск : ОмГПУ. 32 с.
- Подорога В. 2010. Homo ex machina. Авангард и его машины. Эстетика новой формы // Логос. № 1. С. 22-50.
- Рассел С., Норвиг П. 2006. Искусственный интеллект: современный подход. Москва : Вильямс. 1408 с.
- Симондон Ж. 2012. О способе существования технических объектов // Транслит: литературно-теоретический журнал. № 9. URL: <http://www.trans-lit.info/materialy/9-vypuski/zhilber-simondon-o-sposobe-sushhestvovaniya-tehnicheskikh-obektov> (дата обращения: 25.06.2023).
- Циплакова Ю.В. 2014. «Вечный слуга машин вселенной: антропология желяющего производства Ж. Делеза и Ф. Гваттари // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. Т. 9, № 3. С. 147-158.
- Черникова Н.В. 2001. Метафора и метонимия в аспекте современной неологии // Филологические науки. № 1. С. 82-89.
- Чубаров И. 2015. Машинная антропология. Запоздалый манифест // Логос. Т. 25, № 2. С. 122-141.
- Haugeland J. 1985. Artificial Intelligence: The Very Idea. Cambridge : MIT Press. 287 p.
- Hooke R. 1665. Micrographia. London : The Royal Society // Project Gutenberg. URL: <http://www.gutenberg.org/files/15491/15491-h/15491-h.htm> (дата обращения: 25.06.2023).

Simondon G. 1958. *Du mode d'existence des objets techniques*. Paris : Aubier. 337 p.

Simondon G. 2005. *L'invention dans les techniques*. Paris : Seuil. 350 p.

References

Bogost I. *Alien Phenomenology, or What It's Like to Be a Thing*, Perm, HylePress, 2019, 200 p. (In Russ.).

Chernikova N.V. Metaphor and Metonymy in Terms of Modern Neology, *Filologicheskiye nauki* [Philological Sciences], 2001, no. 1, pp. 82-89. (In Russ.).

Chubarov I. Machine Anthropology. A Belated Manifesto, *Logos*, 2015, vol. 25, no. 2, pp. 122-141. (In Russ.).

Deleuze G., Guattari F. *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*, Yekaterinburg, U-Factoria, 2007, 672 p. (In Russ.).

Glebkin V.V. Metaphor of Mechanism and Lakoff and Johnson's Conceptual Metaphor Theory, *Voprosy yazykoznanija* [Issues in Linguistics], 2012, no. 3, pp. 51-68. (In Russ.).

Haugeland J. *Artificial Intelligence: The Very Idea*, Cambridge, MIT Press, 1985, 287 p.

Hobbes T. Leviathan or, The Matter, Form and Power of a Commonwealth, Ecclesiastical and Civil, *Hobbes T. Collected works in 2 volumes. Vol. 2*, Moscow, Mysl, 1991, pp. 3-545. (In Russ.).

Hooke R. *Micrographia*, London, The Royal Society, 1665, available at: <http://www.gutenberg.org/files/15491/15491-h/15491-h.htm> (accessed June 25, 2023).

Lacan J. *The Ego in Freud's Theory and in the Technique of Psychoanalysis*, Moscow, Gnozis & Logos, 2009, 520 p. (In Russ.).

Land N. Art as Insurrection: The Question of Aesthetics in Kant, Schopenhauer, and Nietzsche, *Land N. Collected works in 6 volumes. Vol. 1*, Perm, HylePress, 2020, pp. 79-106. (In Russ.).

Le Corbusier. *The New Spirit in Architecture*, Moscow, Strelka Press, 2017, 113 p. (In Russ.).

Locke J. An Essay Concerning Human Understanding (books 1–3), *Locke J. Collected works in 3 volumes. Vol. 1*, Moscow, Mysl, 1985, pp. 78-582. (In Russ.).

Mumford L. *The Myth of the Machine. Technics and Human Development*, Moscow, Logos, 2001, 408 p. (In Russ.).

Nedovodeyev V.Ya. *Course of Lectures on the Theory of Mechanisms and Machines for Engineering Specialties*, Ulyanovsk, UIGTU, 2012, 83 p. (In Russ.).

Nikolin V.V. *Machinism as a Universal Principle of Reproduction: The Ontological Aspect of the Expansion of the Machine into Non-Machine Spheres of Being: D.Sc. thesis abstract*, Omsk, OmGPU, 2002, 32 p. (In Russ.).

Podoroga V. Homo ex machina. Avant-garde and Its Machines. Aesthetics of a New Form, *Logos*, 2010, no. 1, pp. 22-50. (In Russ.).

Russel S., Norvig P. *Artificial Intelligence. A Modern Approach*, Moscow, Vilyamc, 2006, 1408 p. (In Russ.).

Simondon G. *Du mode d'existence des objets techniques* [On the Mode of Existence of Technical Objects], Paris, Aubier, 1958, 337 p. (In French).

Simondon G. *L'invention dans les techniques* [Invention in Technics], Paris, Seuil, 2005, 350 p. (In French).

Simondon G. On the Mode of Existence of Technical Objects, *Translit: literaturno-teoreticheskij zhurnal* [Translit: A Literary and Theoretical Journal], 2012, no. 9, available at: <http://www.trans-lit.info/materialy/9-vypuski/zhilber-simondon-o-sposobe-sushhestvovaniya-tehnicheskikh-obektov> (accessed June 25, 2023). (In Russ.).

Tsiplakova Yu.V. "Eternal Servant of Machinery of the Universe": G. Deleuze and F. Guattari's Anthropology of Desire Production, *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshhestvennye nauki* [Ural Federal University Journal. Series 3: Social and Political Sciences], 2014, vol. 9, no. 3, pp. 147-158. (In Russ.).

Wiener N. *God and Golem. A Comment on Certain Points Where Cybernetics Impinges on Religion*, Moscow, Progress, 1966, 104 p. (In Russ.).

Zaripov Ya.V. Μηχανή: Analysis of Semantics in a Diachronic Perspective, *Proceedings of NEANIAI – All-Russian School of Young Scientists on Byzantine Studies*, 2015, available at: <https://www.hse.ru/data/2015/10/03/1077230538/Зарипов%20Я.В.pdf> (accessed June 25, 2023). (In Russ.).

Zhelezniak V.N. Phenomenology of Engineering Devices, *Technologos*, 2020, no. 4, pp. 64-74. (In Russ.). DOI 10.15593/perm.kipf/2020.4.06

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Светлана Викторовна Оболкина

кандидат философских наук, научный сотрудник сектора истории и философии науки Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0002-6644-104X;
ResearcherID: K-2695-2018;
Scopus AuthorID: 57734598800;
SPIN-код: 7529-5542;
E-mail: obol2007@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Obolkina

Candidate of Philosophy, Researcher, Educational Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0002-6644-104X;
ResearcherID: K-2695-2018;
Scopus AuthorID: 57734598800;
SPIN-code: 7529-5542;
E-mail: obol2007@mail.ru